

**«ЗДЕСЬ ВСЕ НЕФТЯНИКИ»:
ДИСКУРСИВНО-СИМВОЛИЧЕСКОЕ ПРОИЗВОДСТВО
И ОСПАРИВАНИЕ НЕРАВЕНСТВА В СЕВЕРНОМ МОНОГОРОДЕ**

Михаил Геннадьевич Агапов

Институт проблем освоения Севера ТюмНЦ СО РАН /
Тюменский государственный университет

Тюмень, Россия

magapov74@gmail.com

Аннотация: В статье анализируется феномен внутригородского неравенства в условиях характерного для малых монопрофильных городов Севера России доминирования градообразующей профессионально-отраслевой группы. В качестве исследовательского кейса взята «столица» НК «ЛУКОЙЛ» город Когалым (ХМАО-Югра). На основе данных комплексного историко-полевого исследования анализируются механизмы производства и оспаривания неравенства. В центре внимания — сложный социальный антагонизм между нефтяниками и не-нефтяниками, причины и динамика которого исследуются, в частности, на примере трансформации празднования Дня Когалыма. Делается вывод о том, что в ситуации монопрофильного города культурная гегемония главенствующей группы обеспечивается посредством тесно связанных друг с другом практик: корпоративной унификации культурного ландшафта города, закрепления в локальном историческом нарративе точки зрения главенствующей группы, рефрейминга профессионального праздника главенствующей группы как общегородского, официальной праздничной коммеморации и ритуалов дара.

Ключевые слова: моногород, идентичность, внутригородское неравенство, культурное разнообразие, имиджинг, праздничная культура, день города, освоение Севера, Западно-Сибирский нефтегазовый комплекс, Когалым, ЛУКОЙЛ.

Благодарности: Исследование выполнено по госзаданию ТюмНЦ СО РАН, проект № АААА-А17-117050400150-2.

Для ссылок: Агапов М. «Здесь все нефтяники»: дискурсивно-символическое производство и оспаривание неравенства в северном моногороде // Антропологический форум. 2021. № 48. С. 144–178.

doi: 10.31250/1815-8870-2021-17-48-144-178

URL: <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/048/agapov.pdf>

**“EVERYBODY IS AN OIL-INDUSTRY WORKER HERE”:
DISCURSIVE-SYMBOLIC PRODUCTION AND CONTESTATION
OF INTRA-CITY INEQUALITY IN A NORTHERN SINGLE-INDUSTRY TOWN**

Michail Agapov

Institute for the Development of the North, Russian Academy of Sciences, Siberian Department

86 Malygina Str., Tyumen, Russia

Tyumen State University

6 Volodarskogo Str., Tyumen, Russia

magapov74@gmail.com

Abstract: The article analyzes the phenomenon of intra-city inequality under the rule of city-forming enterprises in the northern single-industry (oil) town by employing R. Brubaker’s cognitive-linguistic version of social constructivism. The “capital” of the LUKOIL Oil Company — Kogalym (Khanty-Mansi Autonomous Okrug — Ugra) — was chosen as a research focus. The mechanisms of production and contestation of intra-city inequality in Kogalym are analyzed based on complex historical-field research data. The corporate imageengineering (Ch. Rutheiser’s term) of Kogalym, ritual aspects of the town culture, as well as various discursive frameworks of the town’s selfpresentation are considered. We focus our attention on the complex social antagonism between oil workers and non-oil workers; we investigate its causes and dynamics, specifically, through the case of the transformation of the Kogalym Day celebration.

We conclude that — in the context of a single-industry town — the cultural hegemony of the dominant group is ensured through closely related practices: the corporate unification of the cultural landscape of the town, consolidation of the dominant group’s point of view in the local historical narrative, reframing of the professional holiday of the dominant group as town-wide, official holiday commemorations, and gift rituals. The grassroots frustration on the part of the excluded is manifested in the form of a folklore reaction to the symbols of the “dominant” group, the creation of a historical narrative and places of memory alternative to the official canon. At the same time, the specific life cycle of the northern single-industry town’s population considerably diminishes its cultural diversity.

Keywords: single-industry city, identity, intra-city inequality, cultural diversity, imageengineering, festival culture, City Day, The Development of the North, Western-Siberian oil and gas complex, Kogalym, LUKOIL.

Acknowledgements: The reported study was funded by the Government’s mandate for Tyumen Scientific Centre SB RAS (research project № АААА-А17-117050400150-2).

To cite: Agapov M., “Zdes vse neftyaniki”: diskursivno-simvolicheskoe proizvodstvo i osparivanie neravenstva v severnom monogorode’ [“Everybody Is an Oil-industry Worker Here”: Discursive-Symbolic Production and Contestation of Intra-city Inequality in a Northern Single-industry Town], *Antropologicheskij forum*, 2021, no. 48, pp. 144–178.

doi: 10.31250/1815-8870-2021-17-48-144-178

URL: <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/048/agapov.pdf>

Михаил Агапов

«Здесь все нефтяники»: дискурсивно-символическое производство и оспаривание неравенства в северном моногороде

В статье анализируется феномен внутригородского неравенства в условиях характерного для малых монопрофильных городов Севера России доминирования градообразующей профессионально-отраслевой группы. В качестве исследователя кейса взята «столица» НК «ЛУКОЙЛ» город Когалым (ХМАО-Югра). На основе данных комплексного историко-полевого исследования анализируются механизмы производства и оспаривания неравенства. В центре внимания — сложный социальный антагонизм между нефтяниками и не-нефтяниками, причины и динамика которого исследуются, в частности, на примере трансформации празднования Дня Когалыма. Делается вывод о том, что в ситуации монопрофильного города культурная гегемония главенствующей группы обеспечивается посредством тесно связанных друг с другом практик: корпоративной унификации культурного ландшафта города, закрепления в локальном историческом нарративе точки зрения главенствующей группы, рефрейминга профессионального праздника главенствующей группы как общегородского, официальной праздничной коммеморации и ритуалов дара.

Ключевые слова: моногород, идентичность, внутригородское неравенство, культурное разнообразие, имиджинг, праздничная культура, день города, освоение Севера, Западно-Сибирский нефтегазовый комплекс, Когалым, ЛУКОЙЛ.

Исследования внутригородского неравенства чаще всего проводятся на материалах крупных городов, отличающихся выраженным проявлением культурного разнообразия и социально-пространственных различий [Harvey 1973; Wellman, Leighton 1979; Fischer 1982; Мусиездов 2013; Behrens 2014]. Тогда как для больших городов характерно отсутствие единого городского сообщества как источника однозначных образцов для идентификации [Мусиездов 2013: 121], в малых монопрофильных городах, напротив, саморепрезентации градообразующих профессионально-отраслевых групп становятся доминирующими по формуле «N — город Y», где Y означает представителей соответствующей профессии. Учитывая, что Россия во многом страна монопрофильных городов [Маслова 2009: 194], данную формулу можно считать типичной, а для целого ряда городских исследователей едва ли не магической. Как иначе объяснить ее воспроизводство в качестве объяснительной модели во множестве научных работ? Некоторые авторы предлагают даже «вести в научный

Михаил Геннадьевич Агапов
Институт проблем освоения
Севера ТюмНЦ СО РАН /
Тюменский государственный
университет,
Тюмень, Россия
magapov74@gmail.com

оборот термин “моногородская идентичность” как особый уровень ментальности людей, проживающих в монопромышленных городах». При этом утверждается, что «ведущей характеристикой моногорожанина является однолинейное восприятие им внешнего мира, что объясняется сложившимся моносознанием и моноповедением данного типа личности» [Альбрехт 2013: 158].

Наш опыт полевых исследований в малых монопрофильных городах Севера России заставляет усомниться в существовании «моногорожанина». Мы полагаем, что вопреки кажущейся очевидности формула «N — город Y» не объясняет специфики монопрофильного города, но сама требует интерпретации и объяснения. Ее ярко выраженная уравнилительно-консолидирующая интенция заставляет задуматься об исключениях и исключенных [Barrett 2010]. Проработка дискурсивных механизмов конструирования «группности» (groupness) [Brubaker 2004: 46–48] показывает, что последняя устанавливается и поддерживается доминирующей группой, не снимая различия, но, наоборот, создавая и закрепляя их [Jones 2011: 143]. Маргинализованные группы выступают в роли значимых внутренних других консолидированного таким образом сообщества или вовсе исключаются из доминирующей групповой репрезентации как несущественные или даже несуществующие, превращаясь в «социальных невидимок» [Капицын 2014: 125].

Цель настоящего исследования заключается в прояснении механизмов дискурсивно-символического производства и оспаривания внутригородского неравенства в условиях характерного для малых монопрофильных городов Севера России доминирования градообразующей профессионально-отраслевой группы. В качестве исследовательского кейса был избран город Когалым — один из нефтяных моногородов Ханты-Мансийского автономного округа — Югры. Среди последних Когалым занимает особое место. Все югорские нефтяные моногорода делятся на «холдинговые провинции» (Федоровский, Радужный, Пойковский, Лангепас и др.) и «холдинговые столицы» [Колоцова 2011: 215], к числу которых, наряду с Сургутом («столицей» Сургутнефтегаза), Нижневартовском (ТНК-ВР) и Нефтеюганском (Роснефть), относится Когалым — «головной» город ПАО «Нефтяная компания “Лукойл”» (далее — ЛУКОЙЛ). В ряду других «холдинговых столиц» Когалым выделяется высокой степенью корпоративного имиджининга (термин Ч. Рутгейзера [Rutheiser 1996]), он является Poster city для компании ЛУКОЙЛ¹ (ил. 1). Вместе с тем в культурном ландшафте

¹ «Название “ЛУКОЙЛ” образовано из начальных букв названий городов Лангепас, Урай и Когалым, в которых расположены основные нефтедобывающие предприятия, вошедшие в состав Компании» <<http://www.lukoil.ru/Company/history/History1991>>.

Ил. 1. Логотип ЛУКОЙЛ 1991 г.

Источник: <<http://www.lukoil.ru/Company/history/History1991>>

«столицы ЛУКОЙЛа» и повседневной жизни когалымчан бытуют альтернативные способы самокатегоризации, «места памяти», исторический и фольклорный нарративы.

Исследование выполнено в логике когнитивно-лингвистической версии социального конструктивизма Р. Брубейкера [Brubaker 2004: 79]. Образцами методологических приемов нам послужили антропологические исследования локального текста, т.е. системы «ментальных, речевых и визуальных стереотипов, устойчивых сюжетов и поведенческих практик, связанных с каким-либо жилым местом и актуальных для сообщества, идентифицирующего себя с этим местом» [Алексеевский и др. 2010: 19]. Такие типичные для больших городов проявления неравенства, как «закрытые сообщества» и джентрифицированные районы, бедные анклав и разрывы между «центром» и «периферией» [Агафонова 2015: 97], в успешных и компактных моногородах вроде Когалыма в значительной степени нивелированы. Вместе с тем для них характерна определенная напряженность в отношениях между «отраслевиками» и «бюджетниками». Система неравенства проявляется в подобных случаях прежде всего на уровне локального текста в системе знаков групповой репрезентации [Kiprphoff 2007; Алексеевский и др. 2008; Ахметова 2011; Абашев 2015], в сосуществовании и конфликте разных нарративных традиций [Ушакин 2004; Рожанский 2012а; 2012б; Богданова 2013], в праздничных [Павленко 2015; Алексеевский 2016] и мемориально-коммеморативных [Osborne 2001; Mitchel 2003] практиках и ритуалах. Производимая корпоративной машиной официальная репрезентация города часто оспаривается в форме фольклорной реакции, «народного» «переосмысления» официальной монументальной риторики, «памятниковых войн» [Burch, Smith 2007; Brüggemann, Kasekamp 2008].

Эмпирическую основу проекта составили документы по истории нефтегазового освоения севера Западной Сибири, мате-

риалы областной и городской периодической печати, материалы фондов Музейно-выставочного центра Когалыма, а также материалы полевого исследования подготовки и празднования Дня города в Когалыме в сентябре 2017 г.¹, в том числе 15 биографических интервью и более десятка фокусированных (направленных) бесед. Общая выборка информантов строилась по параметрам принадлежности / непринадлежности к доминирующей профессионально-отраслевой группе («нефтяники» — «не-нефтяники»), продолжительности проживания в городе («ветераны освоения», «старожилы» — «новички»), пола и возраста. Внутри общей выборки в соответствии с моделью И.Е. Штейнберга [Штейнберг 2016] выделялись группы экспертов (истинных и ложных), типичных и эксклюзивных информантов.

Краткий исторический очерк

Когалым возник в середине 1970-х гг. в ходе второй волны освоения углеводородных месторождений Западной Сибири, когда из-за высоких уровней отбора нефти с таких крупных месторождений, как Самотлорское, темпы ее добычи начали падать и было принято решение приступить к эксплуатации недавно открытых более мелких месторождений Среднего Приобья [Стась 2013: 56]. В процессе смещения фронта освоения все больше на север Западной Сибири, все дальше «в таежные дебри, в болотную глухомань», где для переброски людей и оборудования уже нельзя было использовать крупные водные магистрали [Сорокин 1972], возникла идея дополнить типовую для первой волны нефтегазового освоения модель «опорный город — базовый город — вахта» новым элементом: «организационно-хозяйственным центром внутрирегионального значения с локальными связями» [Куцев 1989: 74–75].

Еще до принятия новой концепции нефтяники явочным порядком начали закладывать свои «организационно-хозяйственные центры» непосредственно в зоне нефтедобычи [Стась 2016: 143–145]. Так, первооткрывателю тюменской нефти Ф.К. Салманову приписывается основание Горноправдинска, Нефтеюганска и Мегиона [Куприй 1972]. Новые поселки стали центрами разработки Повховского, Ватьеганского и Тевлинско-Русскинского (Когалым); Холмогорского, Карамовского, Тевминского, Суторминского и Вынгапуровского (Ноябрьск); Варьеганского (Радужный); Локосовской группы нефтяных (Лангепас) и газовых (Новый Уренгой) месторождений.

¹ В полевом исследовании участвовали научные сотрудники ИПОС ТюмНЦ СО РАН М.Г. Агапов, В.П. Ключева и Н.А. Лискевич.

Доступ к месторождениям и их форсированное освоение было решено обеспечить за счет не имеющего аналогов в мировой практике строительства «Тюменского БАМа» — меридиональной железной дороги Тюмень — Тобольск — Сургут — Уренгой [Славин 1975: 152]. Практически все «опорно-хозяйственные центры» второй волны освоения появились на карте сначала как железнодорожные станции («Стоял вагончик и все! Вся станция была» [Инф. 3]) и поселки железнодорожных строителей.

В 1976 г., 15 марта, в точку проектного расположения станции Когалымская (первоначально Коголымская — от хантинского *кагы, когы* ‘трясина, топь’ и *алынг* ‘конец, край’; из-за обилия топей и болот часто объясняется как «гибельное место» [Комлева 2010]) в долине рек Ингу-Ягун и Кирилл-Высьягун был высажен первый десант Всесоюзной ударной комсомольской стройки железнодорожной магистрали Сургут — Новый Уренгой. По выражению столичных корреспондентов, станция Когалымская была «острием атаки» строительно-монтажного поезда (СМП) № 524 «Тюменьстройпути», «пробивающего трассу на Уренгой» [Козлов, Фролов 1977]. Все силы бросались на обеспечение месторождений. По воспоминаниям дорожных строителей, «в нарушение всех допустимых норм грузы для нефтяников и газовиков провозились нашими тепловозами в “голову укладки” уже на второй день, зачастую падая с рельс, поднимаясь и снова двигаясь вперед к ускорению освоения недр нашего региона» [Ткаченко 2016].

Поселок Когалымский, официально образованный 31 августа 1976 г., был отстроен дорожниками, как это часто тогда было, по остаточному принципу «за счет собственных сэкономленных средств» [Буклет]. С первых дней своего существования Когалымский выгодно отличался от других поселков железнодорожных строителей:

Когда вертолет зависает над бревенчатой площадкой (кстати, на Когалымской есть и свой грунтовый аэродром), сразу обращаешь внимание на то, как выгодно отличается станция от виденных ранее на трассе поселков. Во-первых, на Когалымской просторно. После Салыма и даже Юности Комсомольской, где дома стоят почти вплотную друг к другу и где люди гуськом ходят по узким деревянным тротуарам (встретятся два человека — не разойтись, а спрыгнуть с тротуара нельзя, сразу угодишь в болото!), по Когалымской гуляешь, как по парку. И хотя сейчас Когалымская — это только контур будущего поселка, видно, что поселок будет хорошим. Строится много зданий — они белеют то там, то здесь сосновыми срубам, на горке растут четыре сосны, гуляет ветер. Здесь сделали дере-

ванный настил и готова бельевая площадка. Станция существует чуть больше года, а уже есть свой дом быта — целый комплекс, куда входят баня, парикмахерская, фотолаборатория и ателье. В ателье работают закройщица и три мастера. Такое впервые на стройке [Козлов, Фролов 1977: 34].

В 1978 г. в Когалыме было создано нефтегазодобывающее управление (НГДУ) «Повхнефть», силами которого началась разработка месторождений Когалымского региона. В начале 1980-х гг. первые деревянные постройки сменились капитальными домами, возведенными строительными управлениями из Латвии, Эстонии, Литвы и Азербайджана [Клюева, Чепайтене 2019]. Новые поселки — «организационно-хозяйственные центры внутрирегионального значения» — стремительно росли. В 1980-е гг. в Когалыме число жителей прибавлялось ежегодно на 18–20 % [Куцев 1989: 44]. 15 августа 1985 г. указом Президиума Верховного Совета РСФСР поселкам Лангепас, Радужный, Няха и Когалым был присвоен статус городов окружного подчинения. Решением Совета Министров СССР Когалым, наряду с Лангепасом, Няганем и Ноябрьском, был включен в программу первоочередной застройки. Новые города притягивали к себе межрегиональные миграционные потоки, в них наращивались хозяйственные ресурсы и «теневые» капиталы [Карпов, Гаврилова 2002: 37–38].

Важнейшее значение для развития северных нефтяных и газовых городов всегда имела фигура руководителя градообразующего предприятия. Случай Когалыма в данном отношении показательный. Отцом-основателем города принято считать руководителя НГДУ «Повхнефть» (1983–1985 гг.) и ПО «Когалымнефтегаз» (1987–1995 гг.) В.Ю. Алекперова. Под его управлением Когалым достиг беспрецедентного для нефтяного города того времени уровня жизни («коммунизм в отдельно взятом сибирском городе» [Инф. 2, 3, 5]). В 1990-е гг. Когалым был «головным городом» созданного по предложенной В.Ю. Алекперовым модели государственного концерна «ЛангепасУрайКогалымнефть». После преобразования концерна в ПАО «Нефтяная компания «Лукойл»» Когалым стал неофициальной столицей нефтяной Гардарики. Для жизни и культурной репрезентации Когалыма решающим является тот факт, что город и сегодня остается «главным увлечением» крупнейшего российского нефтяного магната [Весь Ханты-Мансийск 2000: 63].

«Мы — нефтяники»: главенствующая группность

Оборотной стороной возвышения Когалыма стало его поглощение ЛУКОЙЛом. На официальном уровне Когалым позиционируется как «колыбель ЛУКОЙЛа», «место рождения успеха»

крупнейшей российской нефтяной компании [Когалым 2010: 3, 5], «столица западно-сибирских владений нефтепромышленного гиганта» [Головков 1996]. Столичный статус Когалыма отличается двойственностью. С одной стороны, Когалым как «северная столица компании [ЛУКОЙЛ] ассоциируется с кругом городов-братьев [Когалым, Лангепас, Урай, Покачи], являющихся единым производственным механизмом», т.е. предстает в качестве *региональной столицы*; с другой стороны, Когалым — это *столица в регионе*: «в Когалыме, в здании холдинга ООО “ЛУКОЙЛ — Западная Сибирь” находится северный офис президента компании, здесь расположен его кабинет и кабинет главного бухгалтера» [Кирадиев 2001]. Образ Когалыма как перенесенной в Западную Сибирь Москвы подкрепляется откровенным здесь в 2019 г. филиалом Малого театра, не представленного за пределами Садового кольца где бы то ни было еще [Саркисов 2017]. Даже с точки зрения транспортной логистики Когалым гораздо теснее связан с Москвой, нежели со своими городами-братьями, окружным (Ханты-Мансийск) или областным (Тюмень) центрами. Поездки в Москву на праздники и/или выходные — обычная досуговая практика высшего среднего класса когалымчан. В этом отношении Когалым мало чем отличается от условных Химок: «Им три часа ехать до центра [Москвы] — а то и больше! — а мне три часа лететь. Без пробок! [смеется]» [Инф. 7].

Если в других молодых городах нефтяников севера Западной Сибири удельный вес производственных, в первую очередь нефтедобывающих, отраслей изначально был очень высоким (78–83 %), то промышленность Когалыма и сейчас состоит только из нефтедобычи [Стась 2018: 136]. Важнейшими градообразующими предприятиями Когалыма являются ООО «Лукойл — Западная Сибирь» и ТПП «Когалымнефтегаз» [Жемчужина 2001]. Следующее место в локальной производственной иерархии занимают обслуживающие «нефтянку» сервисные компании, научно-производственные объединения, а также нефтеперерабатывающий завод «Лукойл — Западная Сибирь» ТПП Когалымнефтегаз. Власти города регулярно заявляют: «Плеяда нефтедобывающих и сервисных предприятий» является основным работодателем и налогоплательщиком, поэтому «представители градообразующей производственной структуры — нефтяники — остаются главенствующей частью городского населения» [Кирадиев 2001].

В этом и множестве других аналогичных случаях категоризации сверху мы видим, как дискурсивно конструируется особый статус «сословия» нефтяников. Их «главенствующее» положение закреплено в знаково-текстовой среде Когалыма. Важно заметить, что ЛУКОЙЛ изначально вкладывал значительные сред-

Ил. 2. Стенография. Источник: <<http://museumkogalym.ru/node/640>>

ства в развитие своего бренда, формирование полноценных бренд-коммуникаций, интеграцию всех типов маркетинговой активности вокруг бренда в единую систему [Спиридонова 2013]. Когалым — важная часть бренда ЛУКОЙЛа. Возможно, это один из самых забрендированных российских городов. Многочисленные знаки корпорации тесно переплетены с городскими местами, что порождает ощущение захваченности города, его подчиненности «нефтепромышленному гиганту» (ил. 2).

Машина репрезентации корпоративного духа производит монументы, памятные знаки, малые скульптурные формы, материализующие тезис о том, что «у города с ЛУКОЙЛом ИДЕАЛЬНЫЕ отношения» [Киладиев 2003]. Официальные описания «достопримечательностей Когалыма» позволяют увидеть дискурсивную работу по внедрению в городское сообщество ценностей и представлений «главенствующей» статусной группы [Достопримечательности Когалыма]. Знаково-текстовая среда города проникнута *нефропоэтикой* [Kalinin 2015]. Капля нефти помещена на гербе Когалыма, она является ключевым символом ансамбля городских монументов и малых скульптурных форм. Самая известная и популярная когалымская скульптура «Капля жизни» (ил. 3) интерпретируется как нефтяная. В ее официальном описании сказано: «Художник сумел передать в этой композиции главный принцип социальной политики ЛУКОЙЛа: “нефть — для жизни”» [Когалым 2010: 25]. Расположенная в центре города на любимом когалымчанами Рябиновом буль-

Ил. 3. «Капля жизни» (фотография автора)

варе и напротив здания ООО «ЛУКОЙЛ — Западная Сибирь», капля нефти как кольцо всевластия подчиняет себе всю символическую систему города.

История, нарративы и опыт нефтяников репрезентируются как общее прошлое всех горожан. Так, День города в Когалыме «традиционно» проводится в День работников нефтяной и газовой промышленности. Даже 1 сентября «традиционный и единственный урок во всех школах Когалыма» посвящается достижениям ЛУКОЙЛа [Завтра 2001]. Отождествление «градообразующей» профессии со всем городским сообществом является нормативным для многих моногородов. С этой точки зрения Когалым представляет собой образец дискурсивного, символического и коммеморативного конструирования референтной группы «настоящих горожан».

«Вы-то — люди...»: группность исключенных

Любой имиджиниринг, нацеленный на консолидацию сообщества, является одновременно включающим и исключаящим [Brubaker 2004: 99, 131]. Продуцируемая сверху отраслевая идентичность сырьевого (нефте)города имеет собственную логику исключения. В ее основе лежит производственный корпоративизм с характерными для него иерархичностью, кодексами поведения и принципом лояльности. Корпорация такого типа, несмотря на все ее социальные программы и «дары» городу, сама по себе, как сказал бы Р. Брубейкер, чрезвычайно мощный инструмент социальной закрытости [Brubaker 2004: 82], которая безошибочно считается горожанами как исключаящая их:

А северные территории — это нефтегазовые, естественно, территории, большой популярностью, конечно, пользовались нефтяники. Я помню плакат, который висел в городе Нягани, такой стенд огромный около дороги, где были люди, вышка, рабочие и написано так: «ТНК — это люди». Что, значит, некоторые жители комментировали: «Вы-то — люди...» [смеется]. То есть все стремились обязательно работать в этой нефтегазовой отрасли, нефтегазовой сфере, конкуренция была в этом смысле огромная [Инф. 2].

С точки зрения менеджмента «ЛУКОЙЛ — Западная Сибирь», компания и Когалым связаны как нефтедобывающий «базис» и обслуживающая его городская «надстройка» [Головков 1996]. Признавая безусловную значимость социальной сферы, окружные власти вместе с тем отмечают, что «достойный жизненный уровень учителей, врачей, рабочих и пенсионеров <...> в значительной мере зависит от результатов самоотверженного труда буровиков, операторов по добыче, менеджеров нефтедобывающих компаний» [Филипенко 2001]. Высказывания такого рода обесценивают «бюджетников» как горожан: их положение в сообществе определяется не столько результатами их собственного труда, сколько («в значительной мере») успехами и масштабами «социальной ответственности» компании.

Однако многие когалымчане помнят донефтяную жизнь Когалыма, когда основными были профессии лесоруба, домо- и железнодорожного строителя [Гаврилова 2005]. Для ветеранов Когалыма это время было одновременно и «эпохой подвига» (наивысшим моментом их личностной и профессиональной самореализации), и «веком невинности» (недифференцированной общности первопроходцев, когда все были «одной рабочей семьей» [Степанова 1986]). По мере наращивания производственных сил, прихода новых ведомств возрастали социальные различия. Поскольку практически вся социальная инфраструк-

тура находилась в ведомственном подчинении, доступный горожанину набор социальных благ определялся его принадлежностью к конкретному предприятию [Курамин и др. 1989: 145].

Присвоение Когалыму статуса города воспринималось как общая победа, признание заслуг его основателей [Степанова 1986], но вместе с тем, как вскоре стало понятно, это был и конец «эпохи невинности»:

Десять лет назад <...> никакой работы не приходилось чураться. Выедет [начальник дистанции] на дрезине с другими руководителями для устранения порыва, так не сразу и отличишь, где путеец, где шофер, где бригадир <...> Работали на равных. И отдыхали на равных <...> Это потом уже, когда строители из Прибалтики начали прибывать, да со своими закрытыми для посторонних людей магазинами, тогда некоторые из наших рабочих из СМП-524 возмущаться стали <...> В 1982 г. начали расти тресты КНГС [Когалымнефтегазстрой], КТПС [Когалымтрубопроводстрой]... началось интенсивное прибытие нефтяников <...> город начал расти <...> У нефтяников, чего там говорить, масштабы, техника. Строители вовсю размахнулись. А наш [железнодорожный] поселок будто остановился на месте <...> Многие <...> между собой говорят о справедливости, точнее об ее отсутствии <...> [железнодорожники] стали получать меньше денег, чем, например, нефтяники или строители [Застрожныхников 1988].

К этому же времени относится характерное воспоминание одного из наших информантов — работника системы образования:

Меня также сажали [на попутный транспорт], потому что все же знали, что раз нет рейсового автобуса, значит, я на чем-то должна доехать. Утром мы вот, когда мы заселились только в город и начали нефтяники своих возить сразу на месторождения, и какой-то автобус всегда шел, с конторы все были там. И мы однажды сели с девчонками, ну автобус раз стоит. Мы сели, и там заворчали женщины. «Вот, не наши дэдэдэ». Я послушала сначала. Ну, автобус же стоит, ждет, пока там все сядут-то. Опять одна там: «Вот, наши не наши, садятся на наш автобус». Я так посмотрела на них внимательно и говорю: «Женщины, а вам не стыдно нас ненашими называть? Мы учителя, мы учим ваших детей. Это медсестра, она лечит ваших детей, и вас тоже. Почему мы не ваши-то? Да, мы здесь все нефтяники!» А им это очень не понравилось. «Мы, — говорю, — здесь все нефтяники. Поэтому успокойтесь. — говорю. — И мы все равно доедем, раз мы уже сели. Завтра мы не сядем в ваш автобус. Извините, пожалуйста. Нас за наглость. Пойдем пешком». А мороз, — просто был мороз сильный, и мы решили,

что давайте доедем на автобусе. И всё, замолчали, мы доехали, и больше мы действительно не садились в автобус, раз мы такие лишние для них. Но конторские, они всегда себя ведут с задраннным носом у нефтяников, поэтому мы как бы тоже к этому спокойно относимся [Инф. 3].

Если первое высказывание характеризует противоречия между «производственниками», то второе высвечивает противопоставление «производственников» и «непроизводственников», в основе которого лежал экономический фактор: территориально-отраслевой коэффициент заработной платы у последних всегда был ниже, чем у первых [Куцев 1989: 52]. При этом следует заметить, что граница между «производственниками» и «непроизводственниками» никогда не была непроницаемой. Элементы городской сферы обслуживания часто создавались для обеспечения трудоустройства «вторых членов семьи» (главным образом жен) руководителей крупных предприятий [Куцев 1982: 87]. И наоборот, «непроизводственники» всеми силами пытались трудоустроиться в «производственной сфере»:

Таких называли «подснежниками» и «фиалками». «Подснежник» — это милиционер, принятый на должность старшего инженера треста для работы участковым. «Фиалка» — это жена начальника одного треста, филолог по образованию, работающая в другом на должности старшего инженера ОТиЗ [отдел труда и заработной платы]. Надо же жену пристроить, чтоб участковый не цеплялся [Инф. 5].

Разница в уровнях жизни «производственников» и «непроизводственников» заметно возросла при переходе страны в конце 1980-х гг. от административного к хозрасчетному социализму. В отличие от ряда других отраслей народного хозяйства, нефтяники сумели воспользоваться новыми возможностями: наиболее амбициозные руководители вывели свои структурные подразделения из состава «главков» и образовали самостоятельные предприятия. Именно так возникло ПО «Когалымнефтегаз», ставшее уже к началу 1990-х одним из лидеров отрасли и головным предприятием Когалыма. Наоборот, герои-первопроходцы, как и представители других «непрофильных» профессий, превратились в аутсайдеров. В силу северной специфики (низкая эффективность замещающих производств и ограниченность рынка услуг) и общей криминализации предпринимательской сферы они не могли открыть собственный бизнес и оказались в категории «бюджетников».

В когалымской прессе конца 1980-х — начала 1990-х гг. часто отмечалась напряженность между «нефтяниками» и «жителями города». Железнодорожники обвиняли нефтяников в рейдерских захватах социальных объектов [Застрожныхников 1988],

строители — в срыве договоров [Новак 1986], общественность в целом — в социальном эгоизме, загрязнении окружающей среды и выпячивании роли нефтяников в истории города [Мы 1987; Суханов 1988]. Городская газета «Когалымский рабочий» могла менторски пожуричь нефтяников даже в день их профессионального праздника: «Но в этот праздничный день хотелось бы привлечь внимание нефтяников не только к улучшению технико-экономических показателей, а и к проблемам, среди которых самыми острыми являются вопросы охраны окружающей среды, снижение материальных потерь, факты безхозяйственности» [С праздником 1989]. Никаких замечаний подобного рода в связи с другими значимыми для Когалыма профессиональными праздниками городская газета не допускала.

Атмосферу тех лет хорошо передает репортаж о праздновании в Когалыме Дня работников нефтяной и газовой промышленности в 1988 г.:

Хрупкое слово «праздник» по нынешним временам. Красиво скажешь об успехах коллектива [Когалымнефтегаза], а кто-нибудь обязательно заметит: «Нескромно, товарищи, нескромно...» Ну, а если все-таки по-праздничному, а? Если все-таки не вздрагивать от косых взглядов? Ведь не краденые же результаты эти, а заработанные напряженнейшим трудом [С праздником 1988].

Масштабные праздничные мероприятия нефтяников по случаю их Дня неизменно имели «большой резонанс в городе». Когалымчане — не-нефтяники считали такие торжества «пиром во время чумы» [Шуганов 1990].

Напряженность между «нефтяниками» и «жителями города» была порождением специфических обстоятельств возникновения и развития малых нефтяных городов: нефтяники строили за свой счет «побольше жилья и по возможности дешевого, чтобы прибавить приток рабочих рук», но оставляли на заботу органов местной власти «магазины, ясли, больницы и тем более общегородские объекты». В условиях, когда основные капиталы на строительство «объектов соцкультбыта» выделялись через предприятия, городским властям приходилось «каждый рубль на социальную инфраструктуру выбивать “кулачным боем” с тех же нефтяников, газовиков, энергетиков» [Куцев 1989: 92]. Ситуация изменилась в начале 1990-х гг., когда над Когалымом раскрылся «социальный зонтик» Когалымнефтегаза. В основу нового постсоветского «общественного договора» когалымчан был положен принцип: социальные программы «нефтяников» в обмен на лояльность «горожан» («бюджетников»). Знаковым событием стал перенос в 1990 г. Дня города с 15 августа (дата

присвоения Когалыму статуса города) на первое воскресенье сентября — День работников нефтяной и газовой промышленности.

День города: от коллективного ритуала к медийному зрелищу

Представление о том, что становление традиции празднования Дня города в России относится к середине 1990-х гг., тогда как «в СССР праздники, подчеркивающие локальную идентичность жителей определенного населенного пункта, не одобрялись» [Алексеевский 2007; 2010], справедливо для центральной части страны, однако в зоне позднесоветского фронтального освоения, включавшей районы Западной, Северо-Западной, Восточной Сибири и Дальнего Востока [Рожанский 2012а; Замятина 2016], Дни рождения (основания) новых поселков отмечались начиная уже с 1960-х гг. Здесь они имели особенное значение: ежегодное празднование Дня рождения нового поселка воодушевляло его жителей, свидетельствовало об успешной реализации планов развития народного хозяйства СССР. Вместе с тем, благодаря интернациональному характеру всего процесса освоения и высокой мобильности трудовых коллективов, исключался национально-территориальный партикуляризм, угрозу которого партийно-советское руководство видело в локальном патриотизме. По мере развития форпостов освоения местная праздничная культура усложнялась. Так в 1970–1980-е гг. повышение статуса поселков первопроходцев до поселков городского типа и городов привело к установлению нового ежегодного праздника, отмечавшегося в день принятия соответствующего правительственного указа, — Дня рождения города, часто называвшегося просто Днем города. Он сменил собой День рождения поселка, унаследовав его праздничную культуру и основные формы празднования. Следующим по значимости локальным праздником был наиболее важный для данного населенного пункта профессионально-отраслевой праздник. Отмеченное многими исследователями как характерная черта локальной праздничной культуры моногородов поглощение местного общегородского праздника профессиональным праздником градообразующей отрасли [Давыдов 2014; Павленко 2015; Алексеевский 2016] имело в малых нефтяных городах ряд особенностей.

В 2000-е гг. совмещение Дня города и Дня работников нефтяной и газовой промышленности считалось в Когалыме уже «доброй традицией»: «Нефть и город — понятия неразделимые, ибо не будь первого — не было бы и второго. Благодаря нефти вырос город, который изначально был призван создавать нормальные

условия для проживания нефтяников на этой территории» [Кирадиев 2001]. Важно заметить, что «добрая традиция» возникла не сразу. С 1986 по 1989 г. в ближайшие к 15 августа выходные дни в Когалыме отмечался День города. Праздничные мероприятия были нацелены на консолидацию городского сообщества посредством «морального и материального поощрения». Торжественные ритуалы, наглядная агитация и риторические конструкции репрезентировали когалымчан в их собственных глазах как «сообщество судьбы»: «Мы — одна рабочая семья, мы — город. Нас сроднила общая судьба: быть на переднем крае борьбы за нефть» [Степанова 1986]. Поскольку «рабочая семья» была интернациональной, в 1980-е гг. каждый День города был еще и «своеобразным смотром для представителей всех республик, принимавших участие в строительстве нашего города, в добыче природных богатств Севера для нужд страны» [Масликов 1988]. Именно нефть определяла счастливую судьбу Когалыма. На фоне общей бытовой неустроенности ободряюще звучали слова о том, что «наш город находится в перспективном нефтяном районе» и «у Когалыма есть все, чтобы стать одним из лучших городов Севера» [Три знамени 1987].

Главным событием Дня города до наступления в Когалыме во второй половине 1990-х гг. «сытых лет» была «праздничная торговля». Являясь важным элементом позднесоветской праздничной системы, она представляла собой нечто среднее между коллективным «материальным поощрением» и «угощением». Ее отличительной особенностью было поступление в открытую продажу дефицитных товаров. К наиболее важным праздникам приурочивалась также ведомственная «отоварка» (закрытая продажа дефицитных товаров сотрудникам предприятия). «Выброс [дефицитных товаров] на прилавок» и «отоварка» не были сугубо северными практиками, они были повсеместно распространены во всем Советском Союзе, однако важно заметить, что в рассматриваемый период «уровень потребления продовольственных и промышленных товаров в Среднем Приобье был существенно ниже республиканского и ниже научно обоснованных норм» [Курамин и др. 1989: 139]. Особым пунктом «отоварки» были алкогольные напитки. Когалым получил статус города, когда в стране разворачивалась антиалкогольная кампания. Согласно местному анекдоту, «радость от смены статуса у когалымчан была такая, что талонов на нее совершенно не хватало».

Эта ситуация не могла не раздражать горожан, покупательский спрос которых сформировался в местах прежнего жительства с достаточно развитым уровнем товарного обеспечения и которые даже при высоких денежных доходах не могли удовлетворить свои потребности в силу крайней неразвитости соци-

ально-бытового обслуживания новых городов. Неудивительно, что «праздничная торговля» затмевала сам праздник. Концертная сцена часто оказывалась всего лишь островком посреди «жаждущих дефицита очередей у автолавок и прилавков», а порою — и настоящих сражений за дефицитные товары [Масликов 1988; Билялов 1989]. Кульминационным событием праздничных торжеств была лотерея:

Собственно говоря, весь праздник был устроен, на мой взгляд, лишь ради нее [лотереи], праздник был только декорацией <...> Как только начался розыгрыш, вся площадь склонила головы над своим потенциальным счастьем <...> Над городом разносилось: «Белье женское, брюки мужские, белье женское...» [Гридин 1991].

Хотя Когалым репрезентировался его властями как город всех трудящихся («Город нефтяников, буровиков, строителей» [Семеняк 1986]), до начала 1990-х гг. День города (15 августа), стоящий в календаре между Днем строителя (второе воскресенье августа) и Днем работников нефтяной и газовой промышленности (первое воскресенье сентября) пристегивался скорее к первому, чем ко второму [Масликов 1988], что объяснялось высокой вовлеченностью горожан в строительные работы в рамках шефства, субботников и т.п., тогда как нефтяники предпочитали отмечать свой профессиональный праздник подальше от «косых взглядов» горожан [Новопашин 1988].

В 1990 г. городской совет народных депутатов Когалыма решил совместить празднование «Дня города и Дня нефтяников». Аргументы в пользу такого шага были достаточно прозрачны:

Во-первых, экономично; во-вторых, нефтяники всегда были значительно богаче горисполкома, и, наконец, Когалым — город нефтяников, в первую очередь <...> Есть еще и «в-четвертых»: вместо сомнительного соперничества — а кто лучше проведет городской праздник — консолидация, сотрудничество, к чему мы все нынче стремимся [Шуганов 1990].

Городские власти рассчитывали заручиться поддержкой «Когалымнефтегаза» в организации Дня города. Накануне первого объединенного праздника «Когалымский рабочий» сообщал: «Нефтяники раскошелились <...> мы ждем артистов уровнем не ниже Юрия Антонова, Ильи Шифрина, а может быть, и Евгения Петросяна». Со своей стороны городской отдел культуры вывел на праздничную сцену «нефтяного Короля» [Шуганов 1990]. Таким образом Когалым признал, что он «город нефтяников, в первую очередь». Речь шла не об одних лишь юбилейных торжествах. Праздничный перформанс символизировал во многом желанный «в трудное перестроечное время» оконча-

тельный переход города под эгиду «нефтяных королей» [С праздником 1990].

Примечательно, что в случае Когалыма поглощение городского праздника профессиональным не привело к их слиянию. Нефтяники до сих пор отмечают свой праздник отдельно от остальных горожан. Если основные праздничные мероприятия, посвященные Дню города, проводятся на городских площадях и в парковых зонах, то праздничные мероприятия когалымских нефтяников в тот же самый день проходят за городом, на «полянах». Эта ситуация хорошо иллюстрируется особенностями работы местных творческих коллективов в день «общего» праздника:

Мы продолжаем, естественно, и для нефтяников что-то делать. То есть, значит, допустим, мы на поляну выезжаем, вот у них идет отдельное корпоративное свое, но все равно мы работаем. Наши работают там, и потом дружно переедут вот сюда на [городскую] площадь [Инф. 4].

Показательно обозначение информантом праздничных мероприятий нефтяников как корпоративных. Действительно, современное значение Дня работников нефтяной и газовой промышленности существенно отличается от того, которое вкладывалось в него и другие советские профессиональные праздники во время их учреждения [Алексеевский 2016: 531–532]. Начиная с 1990-х гг. большинство последних стусевывалось, тогда как немногие связанные с ключевыми для постсоветской России отраслями профессиональные праздники все больше превращались в корпоративные. Так, по форме празднования День нефтяника в Когалыме — это совокупность целого ряда выездных корпоративов («полян») связанных с ООО «ЛУКОЙЛ» организаций:

Инф. 7: *Получается, у каждой организации на природе. Это столы, шатер. Приезжают артисты и выступают. Это для тех, у кого, так сказать, не шибко... не сказать, что бедные — нет, конечно же. Если брать Западную Сибирь [ООО «ЛУКОЙЛ — Западная Сибирь»], то у них есть площадка, есть сцена и приезжают звезды именно. А мы [одно из специализированных сервисных предприятий ООО «ЛУКОЙЛ»] как подомашнему, как вышли на природу с шашлыками, ухой, и вот так справляем.*

Соб.: *Получается, что нефтяники не празднуют какой-то один общий День нефтяника?*

Инф. 7: *Каждая организация по-своему, да. Даже порой бывает, допустим, здесь «Евразия» [ООО «Буровая компания «Евразия»] справляет, здесь Когалым [ТПП «Когалымнефтегаз»]*

справляет, здесь энергосети [ООО «ЛУКОЙЛ — Энергосети»] <...> День нефтяника и День города совмещают, и поэтому всегда часов до трех люди гуляют на Дне нефтяника, а потом вечером эта концертная программа, и люди плавно переходят на День города, смотрят на звезд. Каждый год здесь приезжают какие-то звезды.

«Бюджетники», которые могут попасть на праздник нефтяников только как члены семьи нефтяника, описывают корпоративный праздник последних гораздо красочнее, чем сами нефтяники:

У меня муж работает в [одно из специализированных сервисных предприятий ООО «ЛУКОЙЛ»]. У них так интересно этот праздник [День нефтяника]! Вот в этом году я не попала, а прошлый год я была. Организация огромную сумму денег, мне кажется, тратит на это всё. Вывозят автобусами, организованно людей в лес — это недалеко у нас площадка эта — изгиб реки Ингу-Ягун. Ставят шатры вот эти большие, палатки, столы. То есть нанимают обслуживающий персонал, официанток. Накрывают такие шикарные столы! Там и булочки, и жарят шашлык. Там столы получается на отделы. Детям — отдельную палатку со сладостями, с клоунами и еще какие-то там подарочки, не знаю, шарики там, пузырики, и то уже хорошо. И дети там, в отличие от... взрослые — спиртное, у них своя палатка. И спортивное, то есть у мужа в организации есть еще и спорткомплекс. У них волейбольная площадка, перетягивание каната, дартс. И еще и концерт же, сцену выкладывают досками — новыми, красивыми, такими, что хочется аж и потанцевать, и походить по ним! Еще и артистов приглашают. Да какая разница, кто там поет? Но кто-то поет, что живая музыка и вот... [Инф. 10]

Если для молодых успешных когалымчан (практически всегда нефтяников) общегородской праздник неразрывно связан с масштабной эстрадной программой с участием звездных исполнителей, то старожилы Когалыма с ностальгией вспоминают Дни города 1980 — начала 1990-х гг. с народными гуляниями и концертами самодеятельности:

Так, как мы раньше его [День города] отмечали... Ну, у нас тоже гуляния были. Ну, артисты, конечно, не приезжали... Тоже вот такой же праздник был, что собирались там коллективы городские вот тоже там, какие-то самодейки. Раньше же очень много было самодеятельности, поэтому как-то раньше это и ценили. И вот как-то, вы знаете, раньше праздники немножко по-другому праздновались... Сейчас вот более такое, как сказать, более сценаричное; более, наверное, официальное. И скажу: и люди уже, может, более требовательны к этому.

А раньше вот были организации, была самодеятельность [Инф. 8].

Предметом ностальгии здесь выступает утраченное ощущение «общей судьбы», «одной рабочей семьи», воплощавшееся в коллективном ритуале празднования Дня рождения поселка (позже — Дня города) в донефтяную эпоху. Смешанные чувства горожан — не-нефтяников по отношению к современным формам празднования Дня города объясняются тем, что, взяв шефство над Днем города, поставив его на профессиональную эстрадную основу, НК «ЛУКОЙЛ» по существу десакрализовал общегородской праздник, превратив его в медийное зрелище [Brubaker 2004: 168–175].

Если празднование Дня города соединяется с празднованием Дня работников нефтяной и газовой промышленности, то празднование последнего соединяется, в свою очередь, с празднованием дня рождения президента НК «ЛУКОЙЛ» В.Ю. Алекперова (1 сентября). Никто из наших собеседников не скрывал этот когалымский секрет Полишинеля, но и не рассказывал о нем сразу, без уточняющих вопросов интервьюеров.

День нефтяника, он первое воскресенье сентября. Да, но бывает, что на неделю могут перенести, на неделю перенос по техническим причинам бывает... Первое сентября — день рождения Алекперова. Если [День нефтяника] попадает на первое или второе [сентября], то переносят немножко, потому что его [Алекперова] нет в городе. А когда не совпадает, то да. Сейчас День города, он приурочен ко Дню нефтяника, это будет девятого сентября [Инф. 9].

Таким образом, мы видим всю «вертикаль» локального праздника: город — отрасль / корпорация — глава корпорации. Ее выстраивание в 1990-е — начале 2000-х гг. отражает типичный для постсоветских сырьевых городов переход от государственно(ведомственно)-патерналистской к корпоративно-патерналистской модели развития. Важно заметить, что последняя в силу достаточно жестких правил маркетинга и брендинга оказалась гораздо в меньшей степени, нежели первая, восприимчивой к разнообразию городских сообществ, их ценностных установок, стратегий развития и образов жизни.

Фольклорная реакция на символы главенствующей группности, альтернативные нарративы и памятные места

Лозунг «Здесь все нефтяники!» содержит скрытое утверждение, что солидарность уже существует и не предполагает наличия внутренних конфликтов и соответственно процедур согласования интересов (ср.: [Павленко 2015: 123]). В этих условиях

социальная фрустрация не-нефтяников проявляется в первую очередь в «народном» «переосмыслении» многочисленных символов главенствующей группности. При всей универсальности такого явления, как фольклорная реакция, нельзя не заметить, что даже нейтральные «малые архитектурные формы» Когалыма переосмысливаются горожанами исключительно в антинефтяническом ключе. Так, скульптурная композиция «Капля жизни» в народе называется «Слезой бюджетника», памятник литературным шедеврам — «Сберкнижками нефтяника», Рябиновый бульвар с рядами фонарей — «Парком офонаревших нефтяников». Памятник героям-нефтяникам — участникам освоения Западной Сибири называется «алекперовским факелом», «мангалом» или «оком Саурана», скульптурная композиция «Жемчужина Западной Сибири» — «яйцом Какоткина» (С.Ф. Какоткин — мэр Когалыма в 2004–2013 гг.), логотип ЛУКОЙЛа — «костями Алекперова» (ил. 2). Корпоративный имиджиниринг Когалыма вызывает у его жителей отторжение. В когалымском юмористическом списке идентифицирующих признаков жителей города [Ахметова 2011] первым пунктом значится: «Вас удивляет отсутствие баннеров с надписью ЛУКОЙЛ в других городах» [Северные города]. Нам часто приходилось слышать: «Знали бы вы, как нас уже достал этот ЛУКОЙЛ — из каждого утюга!» [Инф. 6]; «устаешь от этого постоянного корпоративного насилия такого, потому как очень много ЛУКОЙЛа» [Инф. 4].

Наиболее последовательно «нефтяной» имиджиниринг города оспаривает общественная организация «Первопроходцы Когалыма». Первоначально в когалымском лексиконе слово «первопроходец» означало пионеров всех профессиональных групп: «пионеров когалымской нефти, первых строителей, педагогов, медработников, начинавших город с нуля» [Билялов 1989]. В 1990-е гг., когда НК «ЛУКОЙЛ» взяла город под свою опеку, или, как тогда говорили, «на баланс», большинство его жителей действительно стали «нефтяниками». Однако уже в начале 2000-х ситуация стала меняться:

Мы раньше — вот эти все наши учреждения — мы были у нефтяников, вот. А потом пошла такая тенденция, что, значит, нефтяники начали от нас избавляться. Сказали, извините, нефть должна быть, а не развлечения... начались всякие реорганизации, и постепенно нас передавали то туда, то туда и благополучно перевели из ведомственной сферы в бюджетную [Инф. 4].

Снятие с «баланса» НК «ЛУКОЙЛ» не имеющих непосредственного отношения к нефтедобыче предприятий повлекло за собой для их сотрудников материальные и репутационные потери. Смирившись с первыми, чему способствовало признание того,

что «здесь по своей специальности я зарабатываю все равно больше, чем на “земле”» [Инф. 1], «бюджетники» в лице наиболее активных своих представителей оспорили свое фактическое исключение из «одной рабочей семьи». Их главным аргументом была апелляция к историческому прошлому. В 2001 г. ветераны Всесоюзной ударной комсомольской стройки железнодорожной магистрали Сургут — Новый Уренгой, те, «кто начинал строить будущий город с первого колышка — транспортные строители» [С днем 1989], создали общественную организацию «Первопроходцы Когалыма», заявив тем самым о своем «праве на город» по праву первенства. При этом общность «нефтяной» судьбы не отрицалась, речь шла о том, что Когалым — город *не только* нефтяников.

«Первопроходцы Когалыма» представляют одну из немногих независимых общественных инициатив в «столице ЛУКОЙЛа». Тогда как большинство общественных структур в моногородах действуют по факту как подразделения предприятий, ветераны СМП-524 самоорганизовались уже после того, как их предприятие было ликвидировано и «первопроходцам пришлось устраиваться в другие организации» — строительные, жилищно-коммунальные, бытового обслуживания» [Буклет]. Изначально организация ставила своей целью «сохранение общественной памяти о трудовом подвиге первостроителей Когалыма» [Ровенчак 2016]. Актуализировать значимые для них события прошлого «Первопроходцы Когалыма» сумели прежде всего посредством создания памятного места (им стала точка высадки первого десанта СМП-524) и связанных с ним коммеморативных ритуалов. Более того, «Первопроходцы Когалыма» добились включения своего памятного места в общегородской исторический текст. В частности, оно стало одной из локаций празднования Дня города. В 2012 г. по инициативе «Первопроходцев Когалыма» и при поддержке ООО «ЛУКОЙЛ — Западная Сибирь» на месте высадки первого десанта СМП-524 был установлен памятный знак (камень) (ил. 4).

Памятный знак воспринимается «Первопроходцами Когалыма» как «закладной», на его месте до сих пор планируется установка какого-либо постоянного монумента: «Мы планируем, конечно, стелу поставить, уже камню хватит стоять» [Инф. 3]. Однако в 2014 г. в непосредственной близости от памятного места первопроходцев был установлен другой монумент — изготовленный по проекту швейцарского архитектора Сержа Габатулера «Памятник героям-нефтяникам — участникам освоения Западной Сибири» («Факел Алекперова»).

Вряд ли это был осознанный жест противопоставления двух памятных знаков, они оказались рядом друг с другом во многом

Ил. 4. Памятный знак на месте высадки первого трудового десанта в 1976 г. Источник: <<http://admkgalym.ru/city/dostoprimechatelnosti-kogalyma/pamyatnyy-znak.php>>

случайно: «закладной» камень «первопроходцев» был привязан к историческому месту, а эффектный «Памятник героям-нефтяникам» — к ландшафту. Тем не менее такая локализация памятных знаков часто считается горожанами как «спорный политический момент»:

Инф. 4: Традиционно у нас, значит, вот у нас есть памятное место именно первопроходцев... То есть мы разбивали палатку там [на День города], чаи, они [первопроходцы] приходили, рассказывали, с чего всё начиналось, и мы погружались в эту атмосферу праздника, начала этого всего. Потом вот Алекпоров поставил другое место свое — вот этот наш, который факел горит. Такой, спорный политический момент...

Соб.: А в чем спорный момент?

Инф. 4: Ну, вот они захотели увековечить, наверно, большую работу нефтяникам своим, и они этот памятник поставили, как именно символ людей, которые добывали нефть. А там — это когда прибыл первый поезд. Была такая идея, может, вертолет на этом месте, но пока этот вопрос открытым остался.

Противопоставление памятных знаков первопроходцев и нефтяников символизирует конфликт первопроходческого и нефтяного нарративов, выражающих разный жизненный опыт. Как точно заметил П. Нора, «память порождается той социальной

группой, которую она сплачивает» [Nora 1984: XIX]. Так, самопонимание «Первопроходцев Когалыма» опирается на альтернативную по отношению к официальной, «реальную» историю города. Лидер «Первопроходцев Когалыма» [Инф. 3] четко формулирует тезис:

Начало — это поселок. Это ж понятно. Это поселок СМП-524, которого сейчас в принципе уже и нет. Начиналось все оттуда, понимаете <...> У нас готовится проект несоответствия официальной и реальной истории города. У нас девять лет, — труднейших, сложнейших, в которых создавался город, они выкинуты из истории кем-то очень умным, я вам так скажу.

Подобно многим другим «мемориальным движениям» «Первопроходцы Когалыма» очень быстро переросли собственную коммеморативную повестку (ср. НКО «Мемориал», ассоциация «Матери Беслана» и др.). Важнейшим направлением их деятельности сейчас является работа с социальными учреждениями города с целью оказания помощи ветеранам-первопроходцам. По существу, «Первопроходцы Когалыма» актуализируют и воплощают социальную агентность всего сообщества не-нефтяников Когалыма.

Заключение

Противопоставление Когалыма «бюджетников» Когалыму «нефтяников» характерно только для нарративов «бюджетников». Сами «нефтяники» крайне редко обращают внимание на внутригородское неравенство (их больше интересуют преимущества и недостатки работы в различных подразделениях нефтяного комплекса). Как и в других северных «холдинговых столицах», «нефтяники» здесь — это прежде всего менеджеры головной нефтяной компании и научные и инженерно-технические сотрудники ее сервисных предприятий. Их значительную долю составляют молодые специалисты, рекрутируемые НК «ЛУКОЙЛ» среди выпускников нефтегазовых вузов Уфы, Самары, Казани, Томска и др. городов. Именно они образуют когалымский средний и высший средний класс с характерным для него восприятием города:

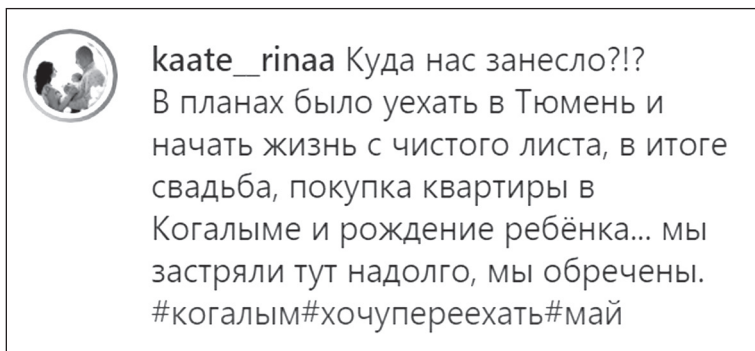
Много здесь плюсов, жить в северных городах. Это и отпуска большие, и здесь люди добрее намного <...> это моногород, город ЛУКОЙЛа в основном. Здесь нефтяники — это маленько другой народ, если так сравнивать с тем же Екатеринбургом, здесь все-таки более, скажу, что ли, счастливый народ. Да. Вот... Здесь не жалуются. Все люди, которые сюда приехали, они пошли по своей профессии, по своей... вот они выбрали изначально ее, пришли сюда, здесь уже работают не один год. Поймите,

40 % нашей жизни мы спим, остальные 40 % мы работаем. В основном мы работаем. И если ходить на работу, как на каторгу — это не жизнь. А здесь люди в основном выбрали свой путь и в принципе по нему идут... И поэтому всё легко дается, как говорится, на работу с удовольствием и с работы с удовольствием... Здесь люди маленько думают о другом. Если мы возьмем тот же самый Екатеринбург. Ну, Тюмень — не знаю. Люди идут, и они больше думают: «Так, что нужно завтра купить, вроде на одежду надо выделить деньги, зарплата вроде будет скоро». И это всё читается в глазах человека, эта серость какая-то, она читается. Нету веселых глаз каких-то. Здесь у людей другие проблемы. Они думают: «Так, в Доминикане был, в этом году куда мне полететь?» [смеется] Они идут и так вот думают, потому что здесь совсем другой достаток у людей, и поэтому всё равно [Инф. 11].

В этом и других интервью с когалымскими «нефтяниками» обращает на себя внимание их восприятие города исключительно как нефтяного. Проживая свои когалымские годы в собственном корпоративном мире, они не замечают «бюджетников», за исключением тех случаев, когда последние являются членами их семей. Широкие возможности профессиональной самореализации, высокие заработки вкупе с социальным пакетом и продолжительный качественный отдых дополняются у «нефтяников» чувством элитарности: «ЛУКОЙЛ отбирает лучших» [Инф. 7, 8, 11]. Наконец, Когалым является хорошей стартовой площадкой для карьерного роста способных и амбициозных специалистов. На вопрос о новом месте работы одного из менеджеров от «нефтянки» нам гордо ответили: «Из Когалыма только в Москву»¹.

Поскольку НК «ЛУКОЙЛ» посчитала нецелесообразным открытие в Когалыме высшего учебного заведения, подавляющее большинство выпускников когалымских школ уезжают за получением высшего образования в другие города и крайне редко возвращаются обратно. Выбор места учебы во многом определяется характерными для северных городов семейными стратегиями обратной миграции [Замятина 2014]. Когалымский политехнический колледж является главным образом ступенью для поступления в высшее учебное заведение, т.е. шагом на пути к отъезду. Примечательно, что в социальных сетях когалымских старшеклассников хештеги «когалым» и «хочупереехать» идут один за другим: #когалым#хочупереехать. Если покинувшие Когалым молодые люди часто вспоминают родной город с лю-

¹ В этой связи не будет лишним напомнить, что в 1980-е гг. начальником управления ЖКХ Когалыма, а в начале 1990-х гг. — главой администрации Когалыма был нынешний мэр Москвы С.С. Собянин.

Ил. 5. Скриншот поста жительницы Когалыма в Instagram

бовью (см. комментарии к фотографиям в альбоме «Когалым» в группе «Когалым © Official group №1» <<https://vk.com/kogalym>>), то оставшиеся там их сверстники обычно сожалеют, что не смогли уехать (ил. 5).

Таким образом, главенствующая группность создается на основе профессиональных и корпоративных ценностей, носителями которых являются рекрутируемые извне специалисты, в большинстве своем приехавшие в Когалым уже после начала «эры нефтяников», воспринимающие свой когалымский период жизни как «долгую вахту» и вместе с тем как «счастливое время». Экономическое доминирование главенствующей группы неразрывно связано с ее культурной гегемонией. В ситуации монопрофильного города последняя, как показывает кейс Когалыма, постоянно воспроизводится посредством тесно связанных друг с другом практик: корпоративной унификации культурного ландшафта города, закрепления в локальном историческом нарративе точки зрения главенствующей группы, рефрейминга профессионального праздника главенствующей группы как общегородского, официальной праздничной комеморации и ритуалов дара.

Группность исключенных, в данном случае «бюджетников», создается в значительной степени на основе памяти о перво-проходческом, догородском и донефтяном прошлом Когалыма. Важно подчеркнуть, что эта группность возникает только в начале 2000-х гг. вследствие острого переживания утраты коллективной (общегородской) рамки памяти, точнее собственного места в ней. Ядро группности исключенных составляет сообщество рефлексирющей ностальгии со свойственными ей нарративами и моделями идентичности, отсылающими к минувшему «золотому веку». Вместе с тем для рефлексирющей ностальгии характерно преодоление травматического опыта через освоение от стереотипов, игру и критическое мышление,

выстраивающих новое будущее [Boym 2001: 45–50]. Именно этим определяется вклад таких общественных движений, как «Первопроходцы Когалыма», в развитие городской культурной среды. Однако особенности жизненного цикла населения северных городов ставят перед «первопроходцами Когалыма» непреодолимые преграды. Им сложно не только расширить, но даже сохранить свой круг, им некому передать свой опыт по причине постоянного оттока тех, кто мог бы поддержать их, на «материк»: молодежи — на учебу, ветеранов — на пенсию.

Характерный для многих, в том числе таких «успешных», как Когалым, северных моногородов конфликт двух основных версий локальной идентичности — нефтянической и не-нефтянической — является отражением неравенства, обусловленного профессионально-отраслевой принадлежностью. Социальные программы, «дары» городу и корпоративный брендинг от градообразующей профессионально-отраслевой группы, с одной стороны, скрывают структурное неравенство и асимметричное противостояние, а с другой — на глубинном уровне — закрепляют их, в значительной степени блокируя тем самым жизненно необходимые для любого города эмерджентные социальные феномены, т.е. принципиально новые бизнес-идеи, общественные инициативы, различные коллаборации, не сводимые ни к одной из базовых частей, дающих им начало [Замятина, Пилясов 2013: 250].

Благодарности

Исследование выполнено по госзаданию ТюмНЦ СО РАН, проект № АААА-А17-117050400150-2.

Источники

- Биялов Р. «День рождения — грустный праздник...» // Когалымский рабочий. 1989, 24 авг.
- Буклет «30 лет на Когалымской земле (март 1976 — март 2006)». Фонд Музейно-выставочного центра г. Когалыма.
- Весь Ханты-Мансийск // Коммерсантъ Власть. 2000, 23 мая. № 20.
- Гаврилова Т.Г. Первопроходцы, строители // Когалымский вестник. 2005. № 13.
- Головков А. Когалым на рубеже XXI века // Когалымский рабочий. 1996, 25 окт.
- Гридин В. Обаятельная Анюта, или День Города // Когалымский рабочий. 1991, 5 сент.
- Достопримечательности Когалыма. Официальный сайт органов местного самоуправления г. Когалым. <<http://admkogalym.ru/city/dostoprimechatelnosti-kogalyma>>.
- Жемчужина Западной Сибири // Новости Югры. 2001, 6 марта.

- Завтра — первое сентября! // Когалымские вести. 2001, 31 авг.
- Застрожников В.* Что же с нами происходит? Монолог путейца-старожила // Когалымский рабочий. 1988, 20 авг.
- Киладиев Георгий*, мэр Когалыма: «Нефть и город — понятия неразделимые» // Когалымские вести. 2001, 31 авг.
- Киладиев Георгий*, мэр Когалыма: «У города с ЛУКОЙЛом ИДЕАЛЬНЫЕ отношения. Дай Бог, чтобы ОНИ сохранились» // Элита-Region. 2003. № 4. С. 18–20.
- Когалым. Жемчужина Западной Сибири. М.: Пента, 2010. 63 с.
- Козлов Ю., Фролов А.* Дорога продолжается // Юность. 1977. № 11. С. 24–35.
- Комлева Е.В.* Когалым // *Ламин В.А.* (ред.). Историческая энциклопедия Сибири: в 3 т. Новосибирск: Историческое наследие Сибири, 2010. Т. 2. С. 98.
- Куприй Н.* Так рождаются города // Тюменская правда. 1972, 2 апр.
- Масликов Н.* Праздник нашего города // Когалымский рабочий. 1988, 16 авг.
- Мы эту память чтить должны // Когалымский рабочий. 1987, 29 авг.
- Новак В.* Без панелей и материалов // Когалымский рабочий. 1986, 13 авг.
- Новопашин Ю.* С праздником, друзья! // Когалымский рабочий. 1988, 3 сент.
- Ровенчак А.* «Первопроходцы Когалыма» — 15 лет! // Когалымский вестник. 2016, 5 февр.
- С днем рождения, Когалым! // Когалымский рабочий. 1989, 19 авг.
- С праздником вас, нефтяники Когалыма! // Когалымский рабочий. 1989, 2 авг.
- С праздником, дорогие горожане! // Когалымский рабочий. 1990, 1 сент.
- С праздником, друзья! // Когалымский рабочий. 1988, 3 сент.
- Саркисов Д.* Моногород для жизни // Lenta.ru. 2017, 23 окт. <<https://lenta.ru/articles/2017/10/23/kogalym>>.
- Северные города: Вы слишком долго жили в Когалыме, если... <<https://www.yaplakal.com/forum7/topic137622.html>>.
- Семеняк А.* С днем рождения, город // Когалымский рабочий. 1986, 16 авг.
- Сорокин Н.* «Белые пятна» и «черное золото». Письма из нефтеразведочных экспедиций // Тюменская правда. 1972, 9 апр.
- Степанова Г.* Мы строим город всей семьей республик // Когалымский рабочий. 1986, 22 авг.
- Суханов В.* Посмотрите в зеркало // Когалымский рабочий. 1988, 11 авг.
- Ткаченко В.А.* Первопроходец вспоминает... // *Гаврилова Т.Г.* (сост.). В Когалым мы влюблены. Шадринск: Шадринский дом печати, 2016. С. 6–7.
- Три знамени города // Когалымский рабочий. 1987, 15 авг.
- Филипенко Александр*, губернатор ХМАО. Дорогие земляки! // Когалымские вести. 2001, 31 авг.
- Шуганов Ю.* Сабантуй на лесной поляне // Когалымский рабочий. 1990, 11 сент.

Библиография

- Абашев В.В.* Пермская монументальная риторика местной идентичности: памятники, эмблемы и арт-объекты в пространстве города // *Лабиринт*. 2015. № 1. С. 66–79.
- Агафонова А.Г.* Реляционный подход в городских исследованиях // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2015. Т. 18. №. 4. С. 96–110.
- Алексеевский М.Д.* День города в современной праздничной культуре России // VII Конгресс этнографов и антропологов России: доклады и выступления. Саранск, 9–14 июля 2007 г. Саранск: Б.и., 2007. С. 253.
- Алексеевский М.Д.* День города в современной праздничной культуре // *Славянская традиционная культура и современный мир. Традиционная культура современного города*. 2010. Вып. 13. С. 370–389.
- Алексеевский М.Д.* Юбилей одного крахмало-паточного завода: профессиональные и корпоративные ценности // *Genius Loci*. М.: Форум, 2016. С. 527–543.
- Алексеевский М., Ахметова М., Лурье М.* [Ответы на вопросы форума «Исследования города»] // *Антропологический форум*. 2010. № 12. С. 16–25.
- Алексеевский М., Жердева А., Лурье М., Сенькина А.* Материалы к словарю локального текста Могилева-Подольского // *Антропологический форум*. 2008. № 8. С. 419–442.
- Альбрехт О.А.* Особенности семей монопрофильного города // *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. 2013. № 1 (21). С. 152–161.
- Ахметова М.* Пространство города и город в пространстве (интернет-тексты «Вы из N, если...») // *Антропологический форум*. 2011. № 15-Online. С. 330–358.
- Богданова Е.А.* Как утопия стала реальностью. «Строительство БАМа — самое счастливое время в моей жизни» // *Скорин-Чайков Н. (сост.). Топография счастья: этнографические карты модерна*. М.: НЛО, 2013. С. 199–218.
- Давыдов Д.А.* Моногородская идентичность и проблемы «промышленной ментальности» // *Вестник Пермского федерального исследовательского центра*. 2014. № 5. С. 73–79.
- Замятина Н.Ю.* Социальная лесотундра: географическая подвижность как элемент семейных траекторий жителей северных городов // *Неприкосновенный запас*. 2014. № 5 (97). С. 189–208.
- Замятина Н.Ю.* Арктическая урбанизация как фронтир // *Научный вестник ЯНАО*. 2016. № 3 (92). С. 114–120.
- Замятина Н.Ю., Пилясов А.Н.* Россия, которую мы обрели: исследуя пространство на микроуровне. М.: Новый хронограф, 2013. 548 с.
- Капицын В.М.* Прошлое, настоящее, будущее в символической политике моногорода // *Символическая политика*. 2014. № 2. С. 110–127.
- Карпов В.П., Гаврилова Н.Ю.* Очерки истории отечественной нефтяной и газовой промышленности. Тюмень: Нефтегазовый университет, 2002. 171 с.

- Клюева В., Чепайтене Р. «Малая Литва» посреди больших тюменских болот: репрезентации, память, наследие // Вестник Пермского университета. 2019. № 3. С. 34–48.
- Колосова О.Г. Особенности регулирования трудовых отношений на Севере // Проблемы современной экономики. 2011. № 3. С. 214–218.
- Курамин В.П., Павлов В.И., Павлов А.В. Район промышленного освоения. Свердловск: Изд-во УрГУ, 1989. 304 с.
- Куцев Г.Ф. Новые города: Социологический очерк на материалах Сибири. М.: Мысль, 1982. 269 с.
- Куцев Г.Ф. Человек на Севере. М.: Политиздат, 1989. 219 с.
- Маслова А.Н. Социально-экономическое развитие моногородов России в условиях глобализации экономики // Социология власти. 2009. № 5. С. 194–199.
- Муслиев А. Город как культурная форма // Социологическое обозрение. 2013. Т. 12. № 3. С. 121–136.
- Павленко Е. День города как перформанс единства сообщества // Laboratorium. 2015. № 7. С. 118–128.
- Рожанский М.Я. Навстречу утренней заре: странствия в поисках настоящего // Ab Imperio. 2012а. № 2. С. 112–144.
- Рожанский М.Я. «Оттепель» на сибирском морозе. Устная история ударных строек // Отечественные записки. 2012б. № 5. С. 184–206.
- Славин С.В. Освоение Севера. М.: Наука, 1975. 200 с.
- Спирidonова Г.В. Системный анализ в рекламной деятельности: опыт российских корпораций (Лукойл) // Всероссийский журнал научных публикаций. 2013. № 2. С. 22–24.
- Стась И.Н. Кризис урбанизации и системы городского расселения Ханты-Мансийского автономного округа в первой половине 1990-х гг. // Вестник Югорского государственного университета. 2013. № 1. С. 56–60.
- Стась И.Н. От поселков к городам и обратно: история градостроительной политики в Ханты-Мансийском округе (1960-е — начало 1990-х гг.). Сургут: Дефис, 2016. 258 с.
- Стась И.Н. Стать горожанином: урбанизация и население в нефтяном крае (1960-е — начало 1990-х гг.). Курган: Курганский дом печати, 2018. 168 с.
- Ушакин С.А. Вместо утраты: материализация памяти и герменевтика боли в провинциальной России // Ab Imperio. 2004. № 4. С. 603–639.
- Штейнберг И.Е. Логические схемы обоснования выборки для качественных интервью: «восьмиоконная» модель // Социология: методология, методы, математическое моделирование (4М). 2016. № 38. С. 38–71.
- Barrett S.R. Community: The Career of a Concept // Anthropologica. 2010. Vol. 52. No. 1. P. 113–125.
- Behrens K. Survival of the Fittest in Cities: Urbanisation and Inequality // The Economic Journal. 2014. Vol. 124. No. 581. P. 1371–1400.
- Boym S. The Future of Nostalgia. N.Y.: Basic Books, 2001. 404 p.

- Brubaker R.* Ethnicity without Groups. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2004. 296 p.
- Brüggemann K., Kasekamp A.* The Politics of History and the “War of Monuments” in Estonia // *Nationalities Papers*. 2008. Vol. 36. No. 3. P. 425–448.
- Burch S., Smith D.* Empty Spaces and the Value of Symbols: Estonia “War of Monuments” from Another Angle // *Europe-Asia Studies*. 2007. No. 59. P. 913–936.
- Fischer C.* To Dwell among Friends: Personal Networks in Town and City. Chicago: Chicago University Press, 1982. 451 p.
- Harvey D.* Social Justice and The City. Oxford: Blackwell Publishing, 1973. 328 p.
- Jones J.A.* Who Are We? Producing Group Identity through Everyday Practices of Conflict and Discourse // *Sociological Perspectives*. 2011. Vol. 54. No. 2. P. 139–162.
- Kalinin I.* Petropoetics: The Oil Text in Post-Soviet Russia // *Russian Literature since 1991*. Cambridge: Cambridge University Press, 2015. P. 120–144.
- Kipphoff K.* Self and the City: The Politics of Monuments // *Social Analysis: The International Journal of Anthropology*. 2007. Vol. 51. No. 1. P. 86–95.
- Mitchel K.* Monuments, Memorials, and the Politics of Memory // *Urban Geography*. 2003. Vol. 24. No 5. P. 442–459.
- Nora P.* Les Lieux de Mémoire. Vol. 1. La République. P.: Gallimard, 1984. 674 p.
- Osborne B.* Landscapes, Memory, Monuments, and Commemoration: Putting Identity in Its Place // *Canadian Ethnic Studies Journal*. 2001. Vol. 33. No 3. P. 39–77.
- Rutheiser Ch.* Imagineering Atlanta. The Politics of Place in the City of Dreams. L.; N.Y.: Verso, 1996. 338 p.
- Wellman B., Leighton B.* Networks, Neighborhoods and Communities: Approaches to the Study of the Community Question // *Urban Affairs Quarterly*. 1979. Vol. 14. No. 3. P. 363–390.

Список информантов

- Инф. 1 — женщина, 46 лет, сотрудница коммерческой компании
- Инф. 2 — мужчина, 68 лет, пенсионер-бюджетник
- Инф. 3 — женщина, 62 года, пенсионерка-бюджетница, общественная деятельница
- Инф. 4 — женщина, 60 лет, сотрудница муниципального автономного учреждения
- Инф. 5 — мужчина, 59 лет, сотрудник коммерческой компании
- Инф. 6 — мужчина, 39 лет, сотрудник коммерческой компании
- Инф. 7 — мужчина, 26 лет, сотрудник специализированного сервисного предприятия ПАО «ЛУКОЙЛ»
- Инф. 8 — женщина, 37 лет, сотрудница специализированного сервисного предприятия ПАО «ЛУКОЙЛ»
- Инф. 9 — мужчина, 53 года, сотрудник специализированного сервисного предприятия ПАО «ЛУКОЙЛ»

Инф. 10 — женщина, 55 лет, сотрудница муниципального автономного учреждения

Инф. 11 — мужчина, 30 лет, сотрудник специализированного сервисного предприятия ПАО «ЛУКОЙЛ»

“Everybody Is an Oil-industry Worker Here”: Discursive-Symbolic Production and Contestation of Intra-city Inequality in a Northern Single-industry Town

Michail Agapov

Institute for the Development of the North, Russian Academy of Sciences,
Siberian Department
86 Malygina Str., Tyumen, Russia
Tyumen State University
6 Volodarskogo Str., Tyumen, Russia
magapov74@gmail.com

The article analyzes the phenomenon of intra-city inequality under the rule of city-forming enterprises in the northern single-industry (oil) town by employing R. Brubaker’s cognitive-linguistic version of social constructivism. The “capital” of the LUKOIL Oil Company — Kogalym (Khanty-Mansi Autonomous Okrug — Yugra) — was chosen as a research focus. The mechanisms of production and contestation of intra-city inequality in Kogalym are analyzed based on complex historical-field research data. The corporate imageengineering (Ch. Rutheiser’s term) of Kogalym, ritual aspects of the town culture, as well as various discursive frameworks of the town’s self-presentation are considered. We focus our attention on the complex social antagonism between oil workers and non-oil workers; we investigate its causes and dynamics, specifically, through the case of the transformation of the Kogalym Day celebration.

We conclude that — in the context of a single-industry town — the cultural hegemony of the dominant group is ensured through closely related practices: the corporate unification of the cultural landscape of the town, consolidation of the dominant group’s point of view in the local historical narrative, reframing of the professional holiday of the dominant group as town-wide, official holiday commemorations, and gift rituals. The grassroot frustration on the part of the excluded is manifested in the form of a folklore reaction to the symbols of the “dominant” group, the creation of a historical

narrative and places of memory alternative to the official canon. At the same time, the specific life cycle of the northern single-industry town's population considerably diminishes its cultural diversity.

Keywords: single-industry city, identity, intra-city inequality, cultural diversity, imagineering, festival culture, City Day, The Development of the North, Western-Siberian oil and gas complex, Kogalym, LUKOIL.

Acknowledgements

The reported study was funded by the Government's mandate for Tyumen Scientific Centre SB RAS (research project № AAAA-A17-117050400150-2).

References

- Abashev V. V., 'Permskaya monumentalnaya ritorika mestnoy identichnosti: pamyatniki, emblemy i art-obyekty v prostranstve goroda [Perm Monumental Rhetoric of Local Identity: Monuments, Emblems, and Art Objects in the City Space], *Labirint*, 2015, no 1, pp. 66–79. (In Russian).
- Agafonova A. G., 'Relyatsionnyy podkhod v gorodskikh issledovaniyakh' [Relational Approach in Urban Studies], *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii*, 2015, vol. 18, no. 4, pp. 96–110. (In Russian).
- Akhmetova M., 'Prostranstvo goroda i gorod v prostranstve (internet-teksty "Vy iz N, esli...")' [City Spaces and Cities in Space ("You Know You Live in N When...")], *Antropologicheskij forum*, 2011, no. 15-Online, pp. 330–358. (In Russian).
- Albrekht O. A., 'Osobennosti semey monoprolifnogo goroda' [The Peculiarities of the Families of the Single-industry Town], *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya*, 2013, no. 1 (21), pp. 152–161. (In Russian).
- Alekseevsky M. D., 'Den goroda v sovremennoy prazdnichnoy kulture Rossii' [City Day in Contemporary Russian Festival Culture], *VII Kongress etnografov i antropologov Rossii* [The 7th Congress of Ethnographers and Anthropologists of Russia]. Saransk: S. n., 2007, p. 253. (In Russian).
- Alekseevsky M. D., 'Den goroda v sovremennoy prazdnichnoy kulture' [City Day in Contemporary Festival Culture], *Slavianskaya traditsionnaya kultura i sovremennyy mir. Traditsionnaya kultura sovremennogo goroda*, 2010, vol. 13, pp. 370–389. (In Russian).
- Alekseevsky M. D., 'Yubiley odnogo krakhmalo-patochnogo zavoda: professionalnye i korporativnye tsennosti' [The Anniversary of a Starch Plant: Professional and Corporate Values], *Genius Loci*. Moscow: Forum, 2016, pp. 527–543. (In Russian).
- Alekseevsky M., Akhmetova M., Lurye M., '[Otvety na voprosy foruma "Issledovaniya goroda"]' [Forum: Urban Studies], *Antropologicheskij forum*, 2010, no. 12, pp. 16–25. (In Russian).
- Alekseevsky M., Zherdeva A., Lurye M., Senkina A., 'Materialy k slovaryu lokalnogo teksta Mogileva-Podolskogo' [Materials for Dictionary of the Local Text of Mogilev-Podolsky], *Antropologicheskij forum*, 2008, no. 8, pp. 419–442. (In Russian).

- Barret S. R., 'Community: The Career of a Concept', *Anthropologica*, 2010, vol. 52, no. 1, pp. 113–125.
- Behrens K., 'Survival of the Fittest in Cities: Urbanisation and Inequality', *The Economic Journal*, 2014, vol. 124, no. 581, pp. 1371–1400.
- Bogdanova E. A., 'Kak utopiya stala realnostyu. "Stroitelstvo BAMa – самое schastlivoe vremia v moei zhizni" [How Utopia Became a Reality. "The Building of the BAM Was the Happiest Time of My Life"]', *Topografiya schastiya: etnograficheskie karty moderna* [Topography of Happiness: Ethnographic Maps of Modernity]. Moscow: NLO, 2013, pp. 199–218. (In Russian).
- Boym S., *The Future of Nostalgia*. New York: Basic Books, 2001, 404 pp.
- Brubaker R., *Ethnicity without Groups*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2004, 296 pp.
- Brüggemann K., Kasekamp A., 'The Politics of History and the "War of Monuments" in Estonia', *Nationalities Papers*, 2008, vol. 36, no. 3, pp. 425–448.
- Burch S., Smith D., 'Empty Spaces and the Value of Symbols: Estonia "War of Monuments" from Another Angle', *Europe-Asia Studies*, 2007, no. 59, pp. 913–936.
- Davydov D. A., 'Monogorodskaya identichnost i problemy "promyshlennoy mentalnosti" (na primere goroda Magnitogorska) [Monotown Identity and Problems of Industrial Mentality (the Case of Magnitogorsk)]', *Vestnik Permskogo federalnogo issledovatel'skogo tsentra*, 2014, no. 5, pp. 73–79. (In Russian).
- Fischer C., *To Dwell among Friends: Personal Networks in Town and City*. Chicago: Chicago University Press, 1982, 451 pp.
- Harvey D., *Social Justice and The City*. Oxford: Blackwell Publishing, 1973, 328 pp.
- Jones J., 'Who Are We? Producing Group Identity through Everyday Practices of Conflict and Discourse', *Sociological Perspectives*, 2011, vol. 54, no. 2, pp. 139–162.
- Kalinin I., 'Petropoetics: The Oil Text in Post-Soviet Russia', *Russian Literature since 1991*. Cambridge: Cambridge University Press, 2015, pp. 120–144.
- Kapitsyn V. M., 'Proshloe, nastoyashchee, budushchee v simvolnoy politike monogoroda' [The Past, Present and Future in Symbolic Policy of the Single-industry City], *Simvolicheskaya politika*, 2014, no. 2, pp. 110–127. (In Russian).
- Karpov V. P., Gavrilova N. Yu., *Ocherki istorii otechestvennoy neftyanoy i gazovoy promyshlennosti* [Studies on History of the Russian Oil and Gas Industry]. Tyumen: Neftegazovyy universitet, 2002, 171 pp. (In Russian).
- Kipphoff K., 'Self and the City: The Politics of Monuments', *Social Analysis: The International Journal of Anthropology*, 2007, vol. 51, no. 1, pp. 86–95.
- Klyueva V., Chepaitene R., "'Malaya Litva" posredi bolshikh tiemenskikh bolot: reprezentatsii, pamyat, nasledie' ["Little Lithuania" in the Middle of the Large Tyumen Swamps: Representations, Memory, Heritage], *Vestnik Permskogo universiteta*, 2019, no 3, pp. 34–48. (In Russian).
- Kolosova O. G., 'Osobennosti regulirovaniya trudovykh otnosheniy na Severe' [Specific Features of Industrial Regulation in the North], *Problemy sovremennoy ekonomiki*, 2011, no 3, pp. 214–218. (In Russian).

- Kuramin V. P., Pavlov V. I., Pavlov A. V., *Rayon promyshlennogo osvoeniya* [Region of the Industrial Development]. Sverdlovsk: Ural State University Press, 1989, 304 pp. (In Russian).
- Kutsev G. F., *Chelovek na Severe* [Man in the North]. Moscow: Politizdat, 1989, 219 pp. (In Russian).
- Kutsev G. F., *Novye goroda: Sotsiologicheskii ocherk na materialakh Sibiri* [The New Cities: Sociological Studies on Siberia]. Moscow: Mysl, 1982, 269 pp. (In Russian).
- Maslova A. N., 'Sotsialno-ekonomicheskoe razvitie monogorodov Rossii v usloviyakh globalizatsii ekonomiki' [The Socio-economic Development of Russian Single-industry Cities in the Current Context of Globalization], *Sotsiologiya vlasti*, 2009, no 5, pp. 194–199. (In Russian).
- Mitchel K., 'Monuments, Memorials, and the Politics of Memory', *Urban Geography*, 2003, vol. 24, no 5, pp. 442–459.
- Musiezdov A., 'Gorod kak kulturnaya forma' [The City as a Cultural Form], *Sotsiologicheskoe obozrenie*, 2013, vol. 12, no 3, pp. 121–136. (In Russian).
- Nora P., *Les Lieux de Mémoire*. Paris: Gallimard, 1984, vol. 1: La République, 674 pp.
- Osborne B., 'Landscapes, Memory, Monuments, and Commemoration: Putting Identity in Its Place', *Canadian Ethnic Studies Journal*, 2001, vol. 33, no. 3, pp. 39–77.
- Pavlenko E., 'Den goroda kak performans edinstva soobshchestva' [Unity Performances During Town's Day Holiday], *Laboratorium*, 2015, no. 7, pp. 118–128. (In Russian).
- Rozhanskiy M. Ya., 'Navstrechu utrenney zare: stranstviya v poiskakh nastoyashchego' [Towards the Gleaming Dawn: Looking for the Real], *Ab Imperio*, 2012, no. 2, pp. 112–144. (In Russian).
- Rozhanskiy M. Ya., "'Ottepel'" na sibirskom moroze: ustnaya istoriya udarnykh stroek' [A "Thaw" in the Siberian Frost: an Oral History of Shock-work Construction Projects], *Otechestvennye zapiski*, 2012, no. 5(50), pp. 184–206. (In Russian).
- Rutheiser Ch., *Imagineering Atlanta. The Politics of Place in the City of Dreams*. London; New York: Verso, 1996, 338 pp.
- Shteinberg I. E., 'Logicheskie skhemy obosnovaniya vyborki dlya kachestvennykh intervyyu: "vosmiokonnaya" model' [A Logical Scheme to Justify the Sample in Qualitative Interview: An "8-Window" Sample Model], *Sotsiologiya: metodologiya, metody, matematicheskoe modelirovanie (4M)*, 2016, no. 38, pp. 38–71. (In Russian).
- Slavin S. V., *Osvoenie Severa* [The Development of the North]. Moscow: Nauka, 1975, 200 pp. (In Russian).
- Spiridonova G. V., 'Sistemnyy analiz v reklamnoy deyatel'nosti: opyt rossiyskikh korporatsiy (Lukoil)' [The System Analysis in Advertising: The Experience of Russian Company (LUKOIL)], *Vserossiiskiy zhurnal nauchnykh publikatsiy*, 2013, no. 2, pp. 22–24. (In Russian).
- Stas I. N., 'Krizis urbanizatsii i sistemy gorodskogo rasseleniya Khanty-Mansiiskogo avtonomnogo okruga v pervoy polovine 1990-kh gg.' [The Urbanization Crises and the System of Settling in Khanty-Mansi Autonomous Okrug the First Half of 1990s], *Vestnik Yugorskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2013, no. 1, pp. 56–60. (In Russian).

- Stas I. N., *Ot poselkov k gorodam i obratno: istoriya gradostroitelnoy politiki v Khanty-Mansiiskom okruge (1960-e — nachalo 1990-kh gg.)* [From Settlement to City and Back: The History of the Town-planning Policy in Khanty-Mansi Okrug (1960s — early 1990s)]. Surgut: Defis, 2016, 258 pp. (In Russian).
- Stas I. N., *Stat gorozhaninom: urbanizatsiya i naselenie v neftyanom krae (1960-e — nachalo 1990-kh gg.)* [Getting Townsman: The Urbanization and Settling in the Oil Region (1960s — Early 1990s)]. Kurgan: Kurganskiy dom pechati, 2018, 168 pp. (In Russian).
- Ushakin S. A., 'Vместo utraty: materializatsiya pamyati i germeneytika boli v provintsialnoy Rossii' [Instead of Loss: The Materialization of Memory and Hermeneutics of Suffering in Provincial Russia], *Ab Imperio*, 2004, no. 2, pp. 603–639. (In Russian).
- Wellman B., Leighton B., 'Networks, Neighborhoods and Communities: Approaches to the Study of the Community Question', *Urban Affair Quarterly*, 1979, vol. 14, no. 3, pp. 363–390.
- Zamyatina N. Yu., 'Sotsialnaya lesotundra: geograficheskaya podvizhnost kak element semeynykh traektoriy zHITELEY severnykh gorodov' [Social Foresttundra: Geographical Mobility as an Element of Family Trajectories of Residents of the Northern Cities], *Neprikosnovennyy zapas*, 2014, no. 5 (97), pp. 189–208. (In Russian).
- Zamyatina N. Yu., 'Arkticheskaya urbanizatsiya kak frontier' [Arctic Urbanization as a Frontier] *Nauchnyi vestnik IaNAO*, 2016, no 3 (92), pp. 114–120. (In Russian).
- Zamyatina N. Iu., Piliasov A. N., *Rossiya, kotoruyu my obreli: issleduya prostranstvo na mikrourovne* [Russia We Found: Local Spatial Issues]. Moscow: Novyy khronograf, 2013, 548 pp. (In Russian).